

© 2026. И. А. Беляева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Если теперь не поймут моего “Иванова”, то брошу его в печь и напишу повесть “Довольно”»: тургеневские контексты ранней драматургии А. П. Чехова

Аннотация: В статье исследуются отсылки к творчеству Тургенева в ранней пьесе Чехова «Иванов», которые можно рассматривать и как элемент полемики с узнаваемыми сюжетными и характерологическими моделями тургеневской прозы, и как продолжение драматургических открытий предшественника, в должной мере не оцененных современниками. Тенденцию первых критиков видеть в «Иванове» неумение автора справиться с центральным героем, в котором усматривался пессимистический настрой, Чехов опроверг, заметив не без иронии, что если его не поймут и после переделок текста, то он бросит свою пьесу в печь и напишет повесть «Довольно», вспомнив тем самым Тургенева и предложив читателю ключ к прочтению своего сочинения: Чехов не считал «Иванова» выражением личных разочарований, как это было в «Довольно» у Тургенева. В «Иванове» Чехов предложил современную рефлексию типичной тургеневской любовной ситуации (слабый герой и сильная героиня), усомнившись в жизненности привычной литературной модели. Он учел достижения Тургенева, но переосмыслил их в плане подачи драматургического действия и драматического лица, которые не сводимы к определенному типу или амплу.

Ключевые слова: А. П. Чехов, И. С. Тургенев, «Иванов», «Месяц в деревне», драматургия, драматургический герой

Информация об авторе: Ирина Анатольевна Беляева, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, Ленинские горы, 119991 г. Москва; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

E-mail: belyaeva-i@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.11.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.01.2026

Дата публикации статьи: 25.03.2026

Для цитирования: Беляева И. А. «Если теперь не поймут моего “Иванова”, то брошу его в печь и напишу повесть “Довольно”»: тургеневские контексты ранней драматургии А. П. Чехова // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 1. С. 96–109. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-96-109>

И. А. Беляева. «Если теперь не поймут моего “Иванова”, то брошу его в печь и напишу повесть “Довольно”»: тургеневские контексты ранней драматургии А. П. Чехова

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 96–109. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 96–109. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Irina A. Belyaeva

Lomonosov Moscow State University

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“If They Don’t Understand My ‘Ivanov’ Now, I’ll Throw It in the Oven and Write the Story ‘Enough’”: Turgenev’s Contexts of Anton Chekhov’s Early Drama

Abstract: This article examines the references to Turgenev’s work in Chekhov’s early play “Ivanov.” These references can be seen both as a polemic against the recognizable plot and character models of Turgenev’s prose and as a continuation of his predecessor’s dramatic discoveries, which were not fully appreciated by his contemporaries. Chekhov refuted the early critics’ tendency to see in “Ivanov” the author’s inability to handle the central character, who they perceived as pessimistic, by noting, not without irony, that if he was not understood even after his revisions, he would throw his play into the fire and write the story “Enough,” thereby recalling Turgenev and offering the reader a key to reading his work. Chekhov did not consider “Ivanov” as an expression of personal disappointments, as Turgenev did in “Enough.” In “Ivanov,” Chekhov offered a contemporary reflection on the typical Turgenevian love situation (a weak hero and a strong heroine), questioning the viability of the familiar literary model. He took into account, but reinterpreted, Turgenev’s achievements in the presentation of dramatic action and the dramatic character, which is not reducible to a specific type or role.

Keywords: A. P. Chekhov, I. S. Turgenev, “Ivanov,” “A Month in the Country,” drama, dramatic character

Information about the author: Irina A. Belyaeva, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

E-mail: belyaeva-i@mail.ru

Received: November 05, 2025

Approved after reviewing: January 19, 2026

Published: March 25, 2026

For citation: Belyaeva, I. A. “‘If They Don’t Understand My ‘Ivanov’ Now, I’ll Throw It in the Oven and Write the Story ‘Enough’”: Turgenev’s Contexts of Anton Chekhov’s Early Drama.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 1, 2026, pp. 96–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-96-109>

Тургеневские интонации в пьесе А. П. Чехова «Иванов» были отмечены исследователями давно, прежде всего в рамках дискуссии о русском Гамлете, «лишнем человеке» [см.: Дубинина: 31–32], когда неизбежно возникало имя писателя, который в своем творчестве фактически узаконил эти важные для русской культуры концепты. Однако тургеневское «присутствие» в «Иванове» гораздо шире, оно дает о себе знать и на уровне полемики Чехова с узнаваемыми сюжетными ситуациями, которые ассоциировались с тургеневским творчеством в целом, и в рамках продолжения драматургических открытий Тургенева, которые в должной мере не были оценены современниками в середине XIX в., когда создавался тургеневский театр первой волны. Эти драматургические открытия были связаны прежде всего с новой стратегией изображения обычного человека на сцене, когда герой оказывался не сводим ни к какому определенному мнению о нем, не соответствовал устоявшимся типам или амплуа, являясь неразрешимой человеческой загадкой и определяя тем самым специфику действия, как это было в пьесе «Месяц в деревне». Чехов видел и недостатки такого подхода к драматургическому тексту, который не всегда подходил для сцены. Но уже в «Иванове» он постарался учесть плюсы и минусы тургеневского опыта: переосмыслил его достижения в плане подачи драматического лица и драматургического действия. В любом случае Чехов думал о Тургеневе, когда, переживая по поводу непростой судьбы «Иванова», не без иронии упомянул повесть «Довольно», предложив интерпретаторам важную подсказку для прочтения своей пьесы. Нет сомнений, что разгадка чеховского «Иванова» невозможна без учета многогранного тургеневского интерпретационного кода.

Чехов-драматург начинается с «Иванова». Это действительно первая его пьеса, которая была завершена и успешно шла на театральной сцене, хотя и не первая из написанных: до нее были незавершенная

«Безотцовщина» и драматургические этюды «На большой дороге», «Лебединая песня <Калхас>». Поэтому, с одной стороны, «Иванов» — полноценное, реализованное начало и своего рода точка отсчета для чеховского театра, с другой — работа над пьесой шла в конце 1880-х гг., когда Чехов уже прошел определенный писательский путь, был известен как прозаик и его едва ли можно считать начинающим литератором¹. Словом, «Иванов» в системе чеховской драматургии — сочинение дебютное, а в рамках творчества — зрелое. Поэтому то, что поначалу казалось современникам Чехова следствием его неопытности как драматурга, было его осознанным решением и обуславливалось экспериментальностью его пьесы. Новизна «Иванова» во многом была продиктована особой природой центрального персонажа, которая сразу была отмечена первыми рецензентами и до сих пор привлекает исследователей.

После постановки «Иванова» в театре Корша (премьера состоялась 19 ноября 1887 г.²) театральные критики писали о том, что изображение центрального героя неясно, а автор, видимо, «просто не справился» с ним. «Я думал сначала, — признавался самый благожелательный рецензент, — что автор намеренно держит его в первых актах в полутени, чтобы потом одним эффектным сценическим поворотом бросить на него полный свет», но «этого не случилось» [Васильев: 3]. Были и обвинения — в безнравственности главной темы, что тоже напрямую связывали со странной природой героя. Известный отзыв П. И. Кичеева в «Московском листке» говорил о том, что пьеса Чехова «преподнесла» зрителям «глубоко безнравственную» и «нагло-циническую путаницу понятий» и что ее герой «не несчастный, слабохарактерный <...> и симпатичный страдалец собственного своего “я”», а «негодяй», автор

¹ Эту особенность пьесы «Иванов» как своего рода зрелого дебюта осознали и современники, один из первых критиков чеховской пьесы С. Васильев писал: «На театре Корша идет новая комедия с оригинальным названием *Иванов*. Это первый драматический опыт г. Чехова, автора целого ряда небольших рассказов, недавно появившихся отдельной книжкой под заглавием *В сумерках*» [Васильев: 3].

² Впервые пьеса была поставлена в Саратове, и лишь потом в московском театре Корша. Эта постановка и вызвала волну критики, в основном в московской периодике.

же — «бесшабашный клеветник на идеалы своего времени»¹ [Кичеев: 2]. Желая уточнить свою позицию, Чехов неоднократно переделывал «Иванова», однако в корне своих драматургических решений он не изменил [см.: Скафтымов 2007].

Исследователи позже обратили внимание на патологичность состояния Иванова, которое Чехов, как полагал А. П. Скафтымов, объясняет «исключительно чувствами биологической усталости» и устанавливает «симптомы болезни», рассуждая «исключительно в плане субъективной психологии» [Скафтымов URL]². А современный биограф Чехова предположила, что «Иванов» даже мог быть «попыткой выйти из состояния», которое сам писатель «называл “психопатией” и в котором находился последние два года» [Кузичева 2010: 168], то есть что это была своего рода сублимация в творчестве.

В целом специфика восприятия «Иванова» современниками, а также сомнения самого автора и последующие переделки им пьесы свидетельствуют о драматической ситуации, которая сложилась вокруг нее, и которую Чехов для себя лично объяснял с помощью тургеневского кода. В письме к А. С. Суворину от 5–6 октября 1888 г., после первой переработки этой пьесы, он провел, пусть и иронически, параллель между своей историей и тургеневской повестью «Довольно», которая тоже была воспринята современниками как болезненная проповедь ложных идеалов, искажение реальности и выражение личного кризи-

¹ Двусмысленность оценок П. И. Кичеевым характера Иванова подкрепляется интересными фактами биографии самого критика: в конце 1860-х гг. он «застрелил “из мести” незнакомого студента, ошибочно приняв его за соблазнителя своей сестры» и 2 года отсидел в Бутырской тюрьме, после чего оказался в доме умалишенных, а в 1870-х гг. дважды был судим «за составление подложных денежных документов», потом он инсценировал свое самоубийство, и эта история была описана Чеховым в «Рассказе без конца» (1885) [Гитович: 546]. Так что П. И. Кичеев во многом интерпретировал Иванова, исходя из своего собственного жизненного опыта.

² Статья А. П. Скафтымова «Драмы Чехова» была первой в так называемой скафтымовской «чеховиане» (куда также входили работы «О “Чайке”», «“Чайка” среди повестей и рассказов Чехова»), которая складывалась в научной лаборатории ученого со второй половины 1920-х гг. по конец 1940-х, публикация состоялась уже в начале 2000-х гг. [см.: Новикова: 366].

са¹: «...если и теперь не поймут моего “Иванова”, то брошу его в печь и напишу повесть “Довольно”» [Чехов П. 3: 15].

Удивительно, насколько оценки тургеневской повести и пьесы Чехова схожи. Модальность их сводится к тому, что сочинения «глубоко безнравственные», везде видна «путаница понятий», «клевета» и «циническая дребедень»² [Кичеев: 2, 3]. Это сказано об «Иванове». А о «Довольно» в 1875 г. С. А. Венгеров, подытоживая картину мнений 1860-х – начала 1870-х гг., в своих «Критико-биографических этюдах»

¹ П. В. Анненков оценивал заключительную часть «Довольно» Тургенева как глубоко пессимистический личный призыв: «<...> вторая его половина, по временам, глубока, но имеет несчастье походить на мрачную католическую проповедь, последнее слово которой сними штаны, обрей голову и ступай в Трапу. Да и надо иметь непременно 55 лет, одышку, запор и водянку, чтоб усвоить себе все впечатления этой второй половины, как должно...» [Анненков: 171]. Близкий Тургеневу корреспондент И. П. Борисов еще в большей мере увидел в этой повести внутреннюю боль автора. «В Вашем “Довольно”, — сообщает он в письме к Тургеневу от 29 октября 1865 г., — многое я прочитал с большим чувством за Вас. Вы как будто хотите <...> уйти от нас» и уверял, что, сам пережив похожее, теперь знает, что ему «уже *недовольно*, и надо еще, еще пожить» (Курсив автора. – И. Б.) [Тургеневский сборник: 497]. В. Ф. Одоевский откликнулся на повесть Тургенева очерком «Недовольно», который начинался вопросом: «Для кого довольно? для себя? для других? — Для себя по какому праву? Для других — не худо бы спроситься», — и в принципе считал, что «фантазия» эта написана «художником» «в минуту внезапной усталости», она отражает всеобщую социальную «болезнь»: «*неприложение рук*» (Курсив автора. – И. Б.) [Одоевский: 65, 69]. Более резкой была карикатура, представленная Ф. М. Достоевским в романе «Бесы», где Кармазинов лишен права на искренность и представлен как фигура глубоко фальшивая и безнравственная, своего рода ложный кумир, чьи проповеди уже не привлекают молодое поколение.

² В заключительном абзаце рецензии П. Кичеева слово «дредень» повторяется несколько раз, что, вероятно, передает повышенную эмоциональность самого рецензента, но одновременно как бы подытоживает высказывание о пьесе Чехова, а потому и запоминается: «И вот такую циническую *дредень* подносит публике г. Чехов, и находится неразборчивая и утратившая всякое чутье к правде публика, которая не только терпеливо смотрит на эту *дредень*, платя за нее деньги по возвышенным бенефисным ценам, но и рукоплещет этой *дредени*, и хотя при громком шиканье вызывает по пяти раз к ряду автора ее...» (Курсив мой. — И. Б.) [Кичеев: 3].

скажет следующее: «Вульгарно выражаясь, это “Бог знает, что такое”. Не знаем, как другие понимают “Довольно”; но что касается автора настоящего этюда, он прямо признается, что совершенно не понимает загадочный “очерк”. Это какой-то беспорядочный сумбур, набор слов, ничем между собою не связанных...» [Венгеров: 148–149].

Скорее всего, Чехов мог иметь представление о ситуации с репутацией этого сочинения Тургенева и, проводя аналогии, подчеркивал тем самым, что своего «Довольно», своей «католической проповеди» отчаяния, как называл «Довольно» П. В. Анненков, он еще не написал, а значит — это можно предположить — не склонен был оценивать свой текст как пессимистический акт. И если «Довольно» Тургенева — это своего рода вариант «арзамасского ужаса» Л. Н. Толстого [Беляева: 181], сочинение, в котором экзистенциальное чувство и мысль о смерти становятся центральными и единственно имеют смысл, то пьеса «Иванов» хотя и касается тех же вопросов (экзистенциальной тоски, самоубийства как исхода), с точки зрения Чехова — интересна не субъективно прочувствованным изображением депрессивного состояния современного общества, а все-таки чем-то другим. Поэтому и в вышеприведенном письме к А. С. Суворину он, пусть и с иронией, настаивает, что своего «Довольно» он еще не написал и в принципе писать не собирается, ну или пока не собирается. Пьеса «Иванов» для него важна и дорога была как начало чего-то нового, а не как конец, когда хочется сказать «довольно».

И первая завершенная пьеса Чехова как раз и предлагала своему зрителю новый тип драматургического текста, в котором центральный персонаж не измеряется традиционными для театра и для литературы в целом антропологическими мерками. То есть Иванов в принципе не определим и не сводим ни к одному суждению о нем, ни к какому-то общему типу. Это было относительно ново в русском театре, если не считать определенного опыта, который был представлен в драматургии Тургенева, но к 1880-м гг., конечно, еще не оцененного. Однако это именно у Тургенева впервые появляется героиня, Наталья Петровна из «Месяца в деревне»¹, к которой не знаешь, как относиться, настолько

¹ Пьеса «Месяц в деревне» была в 1870-е гг. поставлена неудачно в Малом театре (1872) и в Александрийском (1879) с М. Г. Савиной в роли Верочки, и этот спектакль имел успех, правда, Савина сделала в коме-

она сложна. Ее можно любить, ненавидеть, осуждать, одновременно жалеть, поскольку она представляет собой сложное соединение разных качеств и принадлежит сразу к нескольким типам и ни к одному в особенности: она и злодейка-мачеха, и изнеженная вздорная барыня, и страдающая от отсутствия живых чувств женщина, и ревнивица, и чуткая наставница и мать. В «Иванове» мы как раз сталкиваемся с чеховской рефлексией (причем очень заинтересованной) по поводу тургеневского театра¹. Это с одной стороны. С другой — для «Иванова» очень важен общий культурный фон в виде напоминания о привычных сюжетных схемах, поведенческих моделях, который во многом тоже определялся Тургеневым и который в пьесе Чехова не столько травмировался, сколько разбивался о жизнь.

Соединение тургеневской антропологической линии в театре и одновременно разрушение созданных, в том числе Тургеневым, культурных схем, на наш взгляд, отличает пьесу «Иванов». Поэтому тургеневский ключ может быть полезен при ее интерпретации.

Итак, «Иванов» — это не «Довольно», а значит не стоит пьесу читать в координатах космического пессимизма, хотя к такому прочтению могли подтолкнуть элементы тургеневского «присутствия»

дии Тургенева значительные «урезы» — «сокращения коснулись прежде всего роли Натальи Петровны» [Проц: 175]. Так что Чехов вполне мог наблюдать возвращение зрительского интереса к одной из самых несценических пьес Тургенева.

¹ Традиционно тургеневские параллели критики и исследователи усматривают в прозе и в более поздних пьесах Чехова: «у Чехова усадьба моделируется, сказали бы теперь, по Тургеневу, по “Дворянскому гнезду”, по “Месяцу в деревне”» [Зингерман: 131]. Более того, в истории рецепции драматургии обоих писателей существует интересный факт, когда Чехов помогает понять театр Тургенева [Муренина]. Пьеса «Иванов», однако, редко сближается с тургеневскими текстами, в том числе драматургическими, если не считать размышлений о близости Иванова «лишним» героям Тургенева. Так, в недавно опубликованных лекциях Г. А. Бялого указывалось, что в «Иванове» «есть и что-то тургеневское», но тут же подчеркивалось, что это «не тип Иванова; у Тургенева “лишние люди” были нужными, а это что-то ненужное, идущее от “Гамлета Шигровского уезда”» [Бялый: 181]. Прижизненная критика также не усмотрела в «Иванове» тургеневских аллюзий, за исключением того, что в ней видели скорее роман типа «Рудина», чем сценический текст [Кузичева 2020: 74].

в тексте Чехова. В «Иванове» зритель мог почувствовать отсылки к тургеневскому любовному сюжету, согласно которому любовь не может быть вечной, увидеть слабого героя, напоминающего «лишнего человека», хотя для Тургенева это тоже штамп, навязанный ему критикой и читателями, и сильную и жертвенную героиню. Все это реализуется в пьесе как во взаимоотношениях Иванова с Шурочкой, готовой спасти любимого, так и отчасти с женой Анной Петровной (Саррой), на которой он «женился <...> по страстной любви и клялся любить вечно», но спустя пять лет уже «не чувствует ни любви, ни жалости», тогда как она ради него «переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства» и принесла бы «еще сотню жертв», если бы это потребовалось [Чехов С. 11: 226].

Но очевидно, что предложенная Чеховым любовная ситуация (или ситуации, поскольку перед зрителем не просто любовный треугольник, а две самостоятельные вариации на тургеневскую тему) выглядит сложнее. В истории взаимоотношений Иванова с Шурочкой и Саррой все не так однозначно. И оттого как бы привычные тургеневские штампы, которые требуют от читателя/зрителя сочувствия к чистой и жертвенной героине и осуждения слабого, нерешительного, тоскующего, «утомленного»¹ героя, не очень работают. Поэтому читатель/зритель дезориентирован, он не знает, как ему думать и кому доверять. Он привык к тому, как его приучили прочитывать Тургенева, хотя у самого Тургенева тоже все сложнее — и герой не такой слабый, и героиня не всегда жертвенная и сильная, — но в любом случае у Чехова ему определенно предложена, как выражался П. И. Кичеев, «путаница понятий».

Причем все это не от «неумения», как полагали первые критики, которые видели в «Иванове» «много ошибок, ошибок неопытности» и которые «до конца дожидались разъяснения <...> автором характера Иванова», полагая, что раз «разъяснения не последовало», то значит «автор виноват» [Васильев: 3]. В герое Иванове, в том, как он написан, как раз и заключалась смелость драматургического решения Чехова. В чеховской пьесе «все дело» именно в Иванове — как и у Тургенева в

¹ «А жизнь, которую я пережил, — как она утомительна!.. ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого...» [Чехов С. 11: 229].

«Месяце в деревне» «все дело в Наталье Петровне» [Савина: 352]. Тургеневская героиня, хотя и была создана почти за 40 лет до Иванова, также взрывала все амплуа и зрительские ожидания. Она определенно не хороша и не плоха, ее характер и его разгадка — ключ ко всей пьесе. Но это и было стратегией Тургенева. Чехов ее, возможно, интуитивно воспринял, хотя в целом именно «Месяц в деревне» он оценивал не очень высоко, предпочитая «Нахлебника», правда, эти оценки относятся ко времени, когда он уже был опытным драматургом (письмо к О. Л. Книппер от 23 марта 1903 г.). В любом случае в «Иванове» тургеневский подход к драматургическому герою он использовал, но усовершенствовал — убрав психологического плана длинноты, сократив монологи, которые у Тургенева героиня произносила в избытке, делая акцент на задачах сценичности.

Тургенев в «Месяце в деревне» фактически провозгласил невозможное для театра: героиня — это не то, что кажется, и наши суждения о ней в любом случае будут недостаточны. Правда, как это играть, и тогда было непонятно, и сейчас сложно выполнимо. И вот Чехов воспользовался этим тургеневским открытием, он впустил в театр героя как бы типологически маргинального и одновременно одного из многих — верно в этом смысле пишут об обобщенном значении фамилии Иванов¹. Он не психопат (ну или психопат настолько, насколько это свойственно многим), не нарцисс или невротик (он и то, и другое тоже в каком-то обобщающем смысле), он не лишний человек, потому что эта формула звучит как нечто выхолащенное в пьесе², он — сама чело-

¹ Уже в рецензии недоброжелателя П. Кичеева отмечен этот факт: «Одного заглавия комедии, смеем думать, достаточно, чтобы не сомневаться в том, что, по мнению автора, герой его произведения — нечто вроде героя переживаемого нами времени, что имя таким героям — легион» [Кичеев: 2].

² В письме к А. С. Суворину от 30 декабря 1888 г. Чехов пишет по этому поводу: «Режиссер считает Иванова лишним человеком в тургеневском вкусе; Савина спрашивает: почему Иванов подлец? Вы пишете: “Иванову необходимо дать что-нибудь такое, из чего видно было бы, почему две женщины на него вешаются и почему он подлец, а доктор — великий человек”. Если Вы трое так поняли меня, то это значит, что мой “Иванов” никуда не годится. У меня, вероятно, зашел ум за разум, и я написал совсем не то, что хотел. Если Иванов выходит у меня подлецом или лишним человеком, а доктор великим человеком, если непонятно, почему

веческая сложность, неопределимость, которая на самом деле есть и в других персонажах пьесы, которые как будто бы понятны, а на самом деле они тоже немножко Ивановы.

Когда Чехов только написал пьесу, он сообщал брату Александру 24 октября 1887 г.:

Современные драматурги начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами — пойдика найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам. Поневоле начнешь выжимать из головы, взопреешь и бросишь... Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил, никого не оправдал [Чехов П. 2: 137–138].

А Иванов в этой драме говорит, как бы вторя автору, что нельзя воспринимать людей по шаблону (речь идет о нем самом, так как его молва обвиняла в том, что он женился из-за денег, уморил свою жену, а затем нашел себе вторую жертву, молодую и богатую невесту):

Как просто и несложно... Человек такая простая и немудреная машина... нет, доктор. В каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам [Чехов С. 11: 265].

Поэтому загадка Иванова из разряда неразрешимых, агностических. И в этом состоит художественный смысл чеховского антропологического и одновременно драматургического открытия, которое предвосхищает вопрос о «постановке драматического лица» [Катаев: 30] в его театре в дальнейшем. В «Иванове» он отталкивался от Тургенева, использовал его принцип изображения «человека на сцене», стремился сделать его более применимым к требованиям театра и одновременно вскрывал условность тех культурных моделей, которые ассоциировались с Тургеневым и тургеньевской эпохой.

Сарра и Саша любят Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцевалась и о постановке ее не может быть речи» [Чехов П. 3: 109].

И. А. Беляева. «Если теперь не поймут моего “Иванова”, то брошу его в печь и напишу повесть “Довольно”»: тургеневские контексты ранней драматургии А. П. Чехова

Список литературы

Источники

- Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб.: Наука, 2005. 532 с.
- Венгеров С. А. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды Семена Венгерова. Иван Сергеевич Тургенев. Ч. 2. СПб.: тип. И.П. Попова, 1875. 164 с.
- Васильев С. (С. В. Флеров) Театральная хроника // Московские ведомости. 1887. 23 ноября. № 323. С. 3–4.
- Гитович И. Е. Кичеев Петр Иванович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 546–547.
- Кичеев П. И. По театрам // Московский листок. 1887. № 325. 22 ноября. С. 2–3.
- Одоевский В. Ф. Недовольно // Беседы в обществе любителей российской словесности. 1867. № 1. С. 65–84.
- Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1983. С. 349–357.
- Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Исследования

- Беляева И. А. «Я задумал эту штуку в тяжелое время»: к вопросу о значении повести «Довольно» в творчестве И. С. Тургенева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 171–184. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-15>
- <Бялый Г. А.> «Иванов» А. П. Чехова. Из конспектов лекций, прочитанных Г. А. Бялым в спецкурсе «Чехов и драматургия его времени» (1974) / подгот. текста, публ. А. Г. Головачевой // Ранняя драматургия А. П. Чехова. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2021. С. 175–182.
- Дубинина Т. Г. Иванов — Гамлет или Дон Кихот? К вопросу о художественной антропологии И. С. Тургенева и А. П. Чехова // Русистика и компаративистика. М.: Книгодел, 2021. Вып. XV. С. 30–38. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.02>
- Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. М.: Наука, 1988. 384 с.
- Катаев В. Б. А. П. Скафтымов и другие о пьесе «Иванов» // Ранняя драматургия А. П. Чехова. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2021. С. 30–35.
- Кузичева А. П. Феномен «Чехов и Тургенев». О «тени» Тургенева, «тургеневских нотах» и «тургеневском пошибе», о «тургеневском» в «чеховском» // А. П. Чехов и И. С. Тургенев. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 66–92.
- Кузичева А. П. Чехов: жизнь «отдельного человека». М.: Молодая Гвардия, 2010. 847 с.
- Муренина Е. К. Тургенев в США как потомок Чехова? «Месяц в деревне» и проблемы сценической интерпретации русской классики в XIX веке // А. П. Чехов и И. С. Тургенев. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 334–353.
- Новикова Н. В. А. П. Скафтымов в работе над статьей о «Чайке» // Чеховская карта мира. М.: Мелихово, 2015. С. 366–380.

Проц Е. В. Театральная осень Ивана Тургенева: (Тургенев и М. Г. Савина в 1879 году) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 173–181.

Скафтымов А. П. Драммы Чехова. URL: <https://chehov-lit.ru/chehov/kritika/skaftymov-dramy-chehova.htm> (дата обращения: 15.06.2025).

Скафтымов А. П. Пьеса Чехова «Иванов» в ранних редакциях // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. С. 348–366.

References

Beliaeva, I. A. “‘Ja zadumal etu shtuku v tiazheloe vremia’: k voprosu o znachenii povesti ‘Dovol’no’ v tvorchestve I. S. Turgeneva” [“‘I Conceived This Thing in a Hard Time’: On the Question of the Significance of the Story ‘Enough’ in the Works of I. S. Turgenev”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2023, no. 6, pp. 171–184. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-15> (In Russ.)

<Bialyi, G. A.> “‘Ivanov’ A. P. Chekhova. Iz konspektov lektsii, pročitannykh G. A. Bialym v spetskurse ‘Chekhov i dramaturgiia ego vremeni’ (1974)” [“‘Ivanov’ by A. P. Chekhov. From Lecture Notes Given by G. A. Bialyi in the Special Course ‘Chekhov and the Drama of His Time’ (1974)”]. *Ranniaia dramaturgiia A. P. Chekhova [Early Drama by A. P. Chekhov]*. Moscow, A. A. Bakhrushin Museum Publ., 2021, pp. 175–182. (In Russ.)

Dubinina, T. G. “Ivanov — Gamlet ili Don Kikhot? K voprosu o khudozhestvennoi antropologii I. S. Turgeneva i A. P. Chekhova” [“Is Ivanov Hamlet or Don Quixote? To the Question of Artistic Anthropology of I. S. Turgenev and A. P. Chekhov”]. *Rusistika i komparativistika [Russian and Comparative Studies]*, issue 15. Moscow, Knigodel Publ., 2021, pp. 30–38. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.02> (In Russ.)

Zingerman, B. I. *Teatr Chekhova i ego mirovoe znachenie [Chekhov’s Theater and Its World Significance]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 384 p. (In Russ.)

Kataev, V. B. “A. P. Skaftymov i drugie o pèse ‘Ivanov’.” [“A. P. Skaftymov and Others About the Play ‘Ivanov’.”] *Ranniaia dramaturgiia A. P. Chekhova [Early Drama by A. P. Chekhov]*. Moscow, A. A. Bakhrushin Museum Publ., 2021, pp. 30–35. (In Russ.)

Kuzicheva, A. P. “Fenomen ‘Chekhov i Turgenev. O ‘teni’ Turgeneva, ‘turgenevskikh notakh’ i ‘turgenevskom poshibe’, o ‘turgenevskom’ v ‘chekhovskom’.” [“Phenomenon of Chekhov and Turgenev on Turgenev’s ‘Shadow,’ ‘Turgenev’s Notes’ and ‘Turgenev’s Manners,’ on ‘Turgenev Things’ Inside ‘Chekhov Things’.”] *A. P. Chekhov i I. S. Turgenev [A. P. Chekhov and I. S. Turgenev]*. Moscow, A. A. Bakhrushin Museum Publ., 2020, pp. 66–92. (In Russ.)

Kuzicheva, A. P. *Chekhov: zhizn’ “otdel’nogo cheloveka” [Chekhov: The Life of an “Individual”]*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2010, 847 p. (In Russ.)

Murenina, E. K. “Turgenev v SSHA kak potomok Chekhova? ‘Mesyats v derevne’ i problemy stsenicheskoy interpretatsii russkoy klassiki v XXI veke” [“Turgenev as Chekhov’s Descendant on an American Stage? ‘A Month in the Country’ and the

И. А. Беляева. «Если теперь не поймут моего “Иванова”, то брошу его в печь и напишу повесть “Довольно”»: тургеневские контексты ранней драматургии А. П. Чехова

Problems of Theatre Adaptation of Russian Classics in the 21st Century”]. A. P. Chekhov i I. S. Turgenev [A. P. Chekhov and I. S. Turgenev]. Moscow, A. A. Bakhrushin Museum Publ., 2020, pp. 334–353. (In Russ.)

Novikova, N. V. “A. P. Skaftymov v rabote nad statei o ‘Chaike.’” [“A. P. Skaftymov at Work on the Article about ‘The Seagull.’”] *Chekhovskaia karta mira* [Chekhov's Map of the World]. Moscow, Melikhovo Publ., 2015, pp. 366–380. (In Russ.)

Prots, E. V. “Teatral'naia osen' Ivana Turgeneva: (Turgenev i M. G. Savina v 1879 godu)” [“Theatrical Autumn of Ivan Turgenev: (Turgenev and M. G. Savina in 1879)”]. *I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy* [I. S. Turgenev. New Research and Materials], issue 1. Moscow, St. Petersburg, Alians-Arkheo Publ., 2009, pp. 173–181. (In Russ.)

Skaftymov, A. P. *Dramy Chekhova* [Chekhov's Dramas]. Available at: <https://chehov-lit.ru/chehov/kritika/skaftymov-dramy-chehova.htm> (Accessed 15 June 2025). (In Russ.)

Skaftymov, A. P. “P'sa Chekhova ‘Ivanov’ v rannikh redaktsiakh” [“Chekhov's Play ‘Ivanov’ in Early Editions”]. Skaftymov, A. P. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniia* [Poetics of a Work of Art]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2007, pp. 348–366. (In Russ.)